

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ДЖАМААТЫ

Я в представляемом вниманию участников конференции докладе ставлю задачу описать такое относительно новое для нашей страны явление, как молодежные джамааты. Мой доклад основан на полевых материалах, собранных в ходе работы в Республике Дагестан, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае в 1998-2007 годах.

Арабское слово *джама'а* означает «общество, община». Джаматы являются основой любого исламского общества – это элементарная низовая форма организации мусульманского сообщества. Это, как правило, объединение мусульман, совершающих коллективную молитву, т.е., в идеале джамаат объединяет группу мусульман, посещающих одну и ту же мечеть. Духовный руководитель джамаата – *имам*, предстоятель на молитве, читающий проповедь по пятницам, человек, играющий в жизни общины огромную роль в силу своего авторитета и знаний. Авторитет имама основывается на том, что его, как правило, избирают всей общиной из числа наиболее достойных мусульман по целому ряду критериев: он должен не только лучше всех знать Коран, Сунну, культ, но и быть образцом нравственности и исполнения предписаний мусульманской религии. Джамаат и имам обычно крепко связаны друг с другом сотней разных нитей, они встречаются не только по пятницам на совместной молитве, но и по другим поводам. Но это правило не всегда и везде соблюдается: иногда связи имама и джамаата сильны, иногда они слабее. Весьма трудно, конечно же, поддерживать крепкие связи с прихожанами имамам крупных джамаатов, особенно в больших городах. Довольно слабы связи имамов и прихожан в так называемых «традиционных» общинах. Образцом сплоченности в этом плане являются как раз молодежные джамааты.

Молодежные джамааты как особое явление в исламской общине Северного Кавказа впервые появились в 1970-х годах в Дагестане. Вышли они из суфийских общин, и учителями их лидеров были суфийские авторитеты Дагестана. Однако тогда им не удалось закрепиться на религиозном поле, так как всеильные спецслужбы Советского Союза увидели в них серьезную угрозу и довольно быстро к началу 1980-х годов нейтрализовали.

Организационно же молодежные джамааты оформились в самом конце 1980-х – начале 1990-х годов. Их выделению в отдельные структуры способствовала резкая

оппозиционность значительной части молодежи, составившей их костяк. Они были оппозиционны с одной стороны по отношению к официальным исламским структурам – Духовным управлениям мусульман, с другой стороны, по отношению к так называемому «традиционному исламу», носителями которого в основном являются представители старшего поколения, выступающего за соблюдение всех народных традиций. Эти народные традиции, по мнению лидеров молодежи, часто противоречат исламу. В Дагестане, Чечне и Ингушетии лидеры мусульманской молодежи часто выступали против местной формы суфизма, которая виделась им полной «языческих пережитков». Особое раздражение у них вызывали почитание шейхов и святых, споры с суфиями и вообще представителями сторонников устоявшихся традиций и обычаев возникали также по многим другим поводам. Наиболее частыми раздражителями были похоронно-поминальные обряды.

Возглавляли джамааты на местах молодые имамы, на первых порах это были в подавляющем большинстве самоучки. В это время уровень знаний этих лидеров и остальных мулл был примерно равен, и полемика в мусульманской общине велась довольно вяло, лишь изредка приобретая ожесточенный характер. Это время лидерами молодежных джамаатов было использовано для их организационного укрепления, идеологическое укрепление стало задачей следующего поколения лидеров. Оно появляется в начале 1990-х годов. Тогда начинают приезжать молодые люди, получившие высшее образование за рубежом, в основном в странах Ближнего Востока. Они постепенно становятся региональными лидерами, собирают молодежные джамааты в своеобразные сетевые объединения исламской молодежи и возглавляют их. Самое известное и самое организованное сетевое объединение – это Кабардино-Балкарский джамаат, центральная организация которого существовала под разными названиями: Исламский центр Кабардино-Балкарии, Кабардино-Балкарский институт исламских исследований.

Другие известные сети молодежных джамаатов: дагестанские, чеченские, карачаевские, ставропольские. Сегодня фактически на наших глазах формируются адыгейские молодежные джамааты. Кроме того, северокавказская молодежь сегодня активно участвует в трудовой миграции, особенно в регионы газо- и нефтедобычи, в такие города, как Сургут, Норильск и т.д. В этих городах сегодня также формируются сплоченные молодежные джамааты, причем исламизация северокавказской молодежи на

Севере России усиливается. Понятно, какие формы она принимает, ведь молодые люди уходят от влияния своих общин, но обычно не поддаются под влияние местных татарских мулл.

Эти сети еще в 1990-х – начале 2000-х годов были связаны друг с другом, обменивались информацией о себе и своей деятельности, на уровне руководителей было налажено достаточно плотное общение. Об этом свидетельствовали результаты моих бесед с лидерами этих джамаатов в 1999-2000-м годах. Они прекрасно знали друг друга, были хорошо осведомлены о том, какова ситуация в других джамаатах. И все же отдельные джамааты всегда имели широкую внутреннюю автономию. В качестве такого яркого примера можно взять балкарские молодежные джамааты. Они, конечно, входили составной частью в сеть Кабардино-Балкарского джамаата, однако пользовались широкой автономией и решали свои дела вполне самостоятельно. Нальчикский «офис» осуществлял лишь общее руководство, проводил широкую образовательную программу для лидеров и рядовых членов балкарских молодежных джамаатов, иногда посылал своих преподавателей и проповедников в балкарские районы, а также собирал оттуда молодых людей на семинары в Нальчик. В случае же необходимости они вполне были готовы к самостоятельному существованию, поскольку, несмотря на жесткую централизацию Кабардино-Балкарского джамаата и принцип единоначалия, во всей сети не существовало властной «вертикали». Во-первых, здесь был проведен в жизнь исламский принцип «шуры», т.е. совещательности в принятии решений. Притом, что текущие вопросы решались оперативно, важные проблемы всегда выставлялись на суд специально для этого созывавшейся Шуры (Совета) под председательством лидера джамаата Мусы Мукожева. Во-вторых, такого же рода советы имелись в местных ячейках, и могли принимать в случае необходимости решения на своем уровне.

Идеологически молодежные джамааты весьма неустойчивы. Среди их членов уживаются самые разные взгляды. Идеологическая палитра здесь простирается от экстремизма до умеренности. Пожалуй, общим для всех молодежных джамаатов можно назвать настороженное отношение к суфизму и местной форме ислама (так называемому «народному исламу»). В молодежных джамаатах их руководители проводят на практике, как правило, ближневосточную форму ислама, что неудивительно: многие из них

получили религиозное образование в странах Ближнего Востока: Саудовской Аравии, Кувейте, Сирии и т.д.

Деятельность и форма организации молодежных джамаатов также характеризуется копированием ближневосточных форм и опыта других современных мусульманских организаций этого региона. Так, для них характерна сплоченность рядов, организация в форме ячеек, широкая внутренняя благотворительность. Была также зафиксирована внешне направленная благотворительность, например, раздача мяса, садаки в Нальчике активистами Кабардино-Балкарского джамаата. Однако в начале 2000-х годов она была постепенно свернута.

К сожалению, на Северном Кавказе некоторые молодежные джамааты оказались легкой добычей для деструктивных сил, которые взяли в них верх. Они постепенно проникают в них и подчиняют своим целям в течение 1990-х годов, бывших решающими в этом отношении. Если в первой половине 1990-х годов еще можно было спасти положение и не допустить развития негативных тенденций, то события второй половины показали, что контролировать их даже при желании будет очень трудно, тем более что особого желания никто не проявлял. Сегодня значительная часть молодежных джамаатов оказалась основой сепаратистского движения, мутировавшего с националистического в исламистское. Рассмотрим эту часть молодежных джамаатов отдельно, имея в виду, что они представляют не все это явление.

Мы являемся свидетелями глубинной перестройки сепаратистского подполья на Северном Кавказе под давлением меняющейся с конца 1990-х годов обстановки. Эта перестройка выражается в расщеплении сил по максимально возможной обширной территории с созданием сетевых структур, формально автономных, но сохраняющих общение друг с другом для координации действий с использованием различных средств: агентов-связных, электронных средства связи и т.д. Для формирования сети используются определенные агенты влияния, в частности, недовольные местные жители, особенно те, кто испытал на себе воздействие карательной силы правоохранительных органов. К сожалению, работники республиканских МВД, особенно в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в 1990-х – начале 2000-х годов совершали немало ошибочных карательных действий в отношении широкого круга верующих мусульман, что привело к расширению среди них протестных настроений. Сепаратисты умело воспользовались

этими просчетами местных властей для вербовки дополнительного числа активных бойцов и агентов. В частности, им удалось привлечь на свою сторону одного из влиятельных лидеров кабардино-балкарских джамаатов Анзора Астемирова, который сейчас известен как амир Сейфуллах. Он часто выступает на сепаратистских сайтах с программными заявлениями, обосновывая необходимость ведения вооруженной борьбы против российской власти на Кавказе.

Организационная структура сепаратистских общин – джамаатов не совпадает со структурой традиционных мусульманских общин региона, также именуемых джамаатами. Традиционные джамааты охватывают население одного селения или определенных кварталов города, группирующихся вокруг пятничной мечети. То есть традиционные джамааты на Северном Кавказе организованы по территориальному признаку. Сепаратистские же джамааты сегодня экстерриториальны и расплывены. Один джамаат может охватывать множество небольших групп, объединенных в одну или несколько сетей. Таков, например, дагестанский джамаат «Шариат». Они созданы по принципу лояльности к идеологии и практике сепаратистского движения. В принципе, некоего единого объединения эти «джамааты» не представляют. Их структура состоит из фактически автономных групп, состоящих из небольшого числа членов, часто не знакомых лично с членами других ячеек. Такую сеть очень трудно «порвать», поскольку обнаружение одной ячейки как правило не ведет к раскрытию других. Это затрудняет управляемость сети, но преимущества очевидны: они работают на выживание всей сети.

Состав сепаратистских джамаатов разнообразен. Основой их, как уже отмечалось, является мусульманская молодежь региона. В последнее время наблюдаются весьма тревожные тенденции в этом направлении. В движение исламистов все более вливаются молодые интеллектуалы. В частности, можно привести пример дагестанца Абузагира Мантаева, кандидата политических наук, защитившего кандидатскую диссертацию по ваххабизму в г. Москве, а затем оказавшегося в рядах экстремистов и уничтоженного силовиками в г. Махачкале 9 октября 2005 г. Другой пример – Махач (более известный по своему второму имени как Ясин) Расулов, 1975 года рождения. Этот выпускник Дагестанского государственного университета (ДГУ) успел поработать автором религиозной колонки в республиканской газете «Новое дело», а также вел религиозную передачу на дагестанском телевидении. Буквально в течение 1 года он ушел к

экстремистам, успел получить назначение «амира г. Махачкалы», поучаствовать в нескольких дерзких акциях боевиков против дагестанских милиционеров. 10 апреля 2006 г. было получено сообщение о его ликвидации в ходе спецоперации в доме на улице Энгельса в г. Махачкале.

Эта тревожная тенденция говорит о том, что среди части интеллектуальной элиты дагестанской молодежи также распространяются экстремистские взгляды. Есть определенный круг молодых интеллектуалов в республиках Северного Кавказа, которые убеждены, что в сложившейся ситуации, «когда везде господствует несправедливость, коррупция» и т.д., наилучшим решением будет введение шариата. Отметим, что подобные идеи достаточно популярны среди молодежи не малообразованной, как было раньше, а интеллектуально развитой и получившей хорошее светское образование. Конечно, это в том числе отражение социально-экономических и политических проблем. Тревожно, что пути решения некоторые молодежные лидеры Северного Кавказа стали искать в религиозной сфере.

Состав джамаатов интернациональный, в основном в них объединяются представители народов Северного Кавказа, но иногда встречаются и те, кто приехал из других стран: Таджикистана, Узбекистана, Пакистана, стран Ближнего Востока. Их обычно в официальных сообщениях называют наемниками, хотя многие из них прибыли в регион из идейных соображений, как участники «всемирного джихада против кафиров (неверных), иудеев и крестоносцев». Те из них, которые имеют солидный боевой опыт, выступают в роли инструкторов, однако не всегда иностранец – инструктор, часто они бывают простыми боевиками. Через иностранцев же часто осуществляется связь с донорами, как правило, из мусульманских стран. Поставка финансовой и иной помощи сепаратистам часто криминализована: например, через эти каналы отмывается фальшивая валюта. Используются и иные способы финансовой подпитки: поступления от сочувствующих, выкуп от родственников похищенных людей и т.д.

В пропагандистских целях сепаратисты выделяют как особые подразделения так называемые «батальоны», организованные по этническому признаку. Так появились «Ногайский», «Карачаевский», другие этнические батальоны. Реально как некие боевые подразделения, они, конечно же, не существуют. Боевые вылазки и террористические акты, приписываемые тому или иному батальону, осуществляются членами

сепаратистских джамаатов соответствующей национальности. В частности, в «Ногайский батальон» включают обычно членов шелковского джамаата, базирующегося на территории Шелковского района Чечни и Нефтекумского района Ставропольского края. Шелковской джамаат прославился громкими акциями против федеральных сил, в числе которых последние столкновения в селе Тукуй-Мектеб Нефтекумского района Ставропольского края. Его деятельность оказывается на виду у всех из-за того, что вылазки осуществляются часто за пределами этнических республик, что воспринимается болезненно и федеральным центром, и жителями Ставропольского края. Между тем шелковской джамаат не самая крупная сетевая структура сепаратистских сил.

Как уже было отмечено, сегодня светский национализм Джохара Дудаева остался в далеком прошлом. Основания идеологии сепаратистского движения на Северном Кавказе являются религиозными, именуемыми на Северном Кавказе ваххабитскими. Основу вероучения ваххабитов составляет требование всестороннего проведения в жизнь принципа тавхида (единобожия). Это требование восходит к буквалистскому пониманию данного принципа с весьма жесткими ограничениями. Идеологи ваххабизма отводят одно из ведущих мест джихаду, понимаемому однозначно как вооруженная борьба за веру. При этом они считают, что сегодня джихад обязательно принимает форму вооруженной борьбы против врагов ислама. Среди исламистов региона также широкое хождение имеет концепция обвинения в неверии и отходе от мира, которая позволяет объявлять джихад также и мусульманам Северного Кавказа, не поддерживающим сепаратистов. Отсюда широкое применение насилия в отношении этнических мусульман, служащих в государственных силовых структурах и не только. Милиционеры в Дагестане, Чечне, Ингушетии и восточных районах Ставропольского края – одна из главных мишеней террористов. Во время актов террора страдают и люди, абсолютно не имеющие отношения к органам власти. Исламисты считают, что члены семей милиционеров и других представителей власти могут уничтожаться вместе с ними, поскольку добровольно остаются с ними, а значит, поддерживают их позицию и их работу. Истинный мусульманин, по их мнению, должен отказаться от таких родственников. Те же, кто случайно гибнет при актах террора, по их мнению, станут шахидами и попадут прямиком в рай.

Идеология сепаратистов представляет огромную проблему для стабильности на Северном Кавказе. Дело в том, что светские националисты могут прийти к договоренности с центральной властью, сделав предметом торга тот или иной уровень автономии для своего народа или региона. С сегодняшними сепаратистами на Северном Кавказе практически невозможно договориться на этих основаниях, поскольку сама их идеология не предполагает переговоров с «безбожниками». Государство, основанное на человеческих законах, по их мнению, должно быть разрушено. В мире должны господствовать только божественные законы, считают они. Мусульманские экстремисты считают демократию злом, человеческой выдумкой, изначально вредной, поскольку она не согласуется с ясными божественными установлениями об устройстве общества.

Понимание исламистских оснований нынешней идеологии сепаратистов Северного Кавказа очень важно для понимания целей и задач этого движения. Сегодня они воюют не за независимость Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии или Дагестана от России, а за разрушение «безбожной империи», как они называют Россию, и создание на Северном Кавказе территории, находящейся под управлением на основе шариата, которое стало бы одной из основ для объединения всех мусульман мира в единое политическое пространство. Национальность человека не имеет для них значения, они знают только одну нацию – исламскую, а этничность занимает подчиненное положение по сравнению с религиозной идентичностью. Таким образом, в их будущем нет места национальным государствам, должно быть единое мусульманское сообщество, основанное на братстве всех мусульман.

Итак, относительно недолгая история существования на Северном Кавказе такого явления, как молодежные джамааты, показала, что их появление было вызвано глубоким кризисом, охватившим этот регион и его общество. Грамотное использование деструктивными силами широких возможностей этой формы организации мусульманской молодежи повернуло значительную их часть против интересов светского государства вообще и позиций российской власти в регионе в частности. Очевидно, что обществоведам и религиоведам необходимо научиться вовремя реагировать на появление подобного рода явлений в обществе и помогать ему направлять их развитие в русло, обеспечивающее мир и стабильность. Понятно, что проблема экстремизма и тесно связанного с ним сепаратизма, особенно среди исламской молодежи на Северном Кавказе имеет только

комплексное решение. Это и безусловное применение силы, но и в немалой степени лишение экстремистов социальной базы через развитие экономики, повышение благосостояния населения, развитие нормального диалога в исламской общине региона через привлечение к сотрудничеству значительной части мусульманской молодежи, отвергающей экстремизм. Для нейтрализации протестных настроений федеральная власть пытается проводить смену элит в республиках, а также показать решимость бороться с тотальной коррупцией и неэффективностью местной экономики. Смена глав республик в Дагестане, Адыгее и Кабардино-Балкарии, показательные акции против коррупционеров, развитие туризма и проведение других экономических проектов положительно воспринимаются местным населением, но проблем настолько много и они настолько масштабные, что косметических мер явно недостаточно. На Северном Кавказе необходимы системные реформы, решиться на которые в современных условиях очень трудно. Немаловажной проблемой является также выработка общегражданской идентичности: рост в России антикавказских настроений весьма болезненно воспринимается в первую очередь мусульманской молодежью. Интеграция мусульман Северного Кавказа в гражданское общество проводится недостаточно решительно и с большим запозданием, что чревато серьезными последствиями.